
ПСИХОЛОГИЯ МАСС

А. Шажинбатын

ПСИХИЧЕСКИЕ РАСЫ. ОПЫТ ПСИХОЛОГИИ И НАРОДОВ

Аннотация: приступая к вопросам, касающимся психического сложения народов, мы вступаем в сферу исследований, не отличающихся ни точностью методов, ни обоснованностью фактов. Как точная наука, психическая антропология почти не существует, ибо так называемая этнопсихология в действительности занимается психологией коллективной жизни, а потому круг ее исследований совсем другой. Автор показывает, как выглядела этническая психология век назад и каковы ее перспективы сегодня.

Ключевые слова: психология, психические расы, психика, психический характер, типы, антропология, этнопсихология, физиология, цивилизация, евгеника.

Можно назвать несколько более ранних исследований, поднимающих тождественные вопросы, но они не имели значения в развитии рассматриваемой ветви антропологических наук, главным образом вследствие недостаточно точного определения исследуемых явлений. Лишь труды Гальтона, Дапужа, Фиркандта и др., являются предвестниками поворота в исследовании вопросов, относящихся к психической антропологии, но ни один из них не определил задачи во всей ее полноте.

Этническая психология, её прошедшее и настоящее

Рассматривая человеческий род во всей его совокупности, мы замечаем в нем не только анатомические и физиологические различия, но и различия духовные. Существуют группы, довольно резко отличающиеся своей духовной физиономией.

Речь вместе с впечатлением, какое производит она на слушателя, можно считать одним из непосредственных проявлений национального духа. Нельзя вообразить себе большей противоположности, чем та, какая существует между негром и индейцем (из Бразилии). Первый, дитя открытых равнин Африки, обладает сильным и звучным голосом. Разговор идущих негров слышен уже на расстоянии тысячи шагов. Бразильский индеец родился среди густых и полных таинственной опасности девственных лесов. Он пробирается осторожно по чаще, стараясь, по возможности, скрыть свое присутствие. Когда индейцы сидят возле очага,

то часто только по движению их губ можно заметить, что они разговаривают.

Вышеприведенный пример дает неточное объяснение духовного различия, наблюдаемого между этими двумя группами человеческого рода, но все-таки верно намечает его характер. Насколько мы можем умозаключать на основании произведенных исследований, духовные различия среди человечества более разнообразны, чем физические. Психические разновидности рода *homo sapiens* существуют, обладают довольно резкими чертами и выступают как самостоятельные целые, так что мы вполне справедливо можем говорить о психических расах, как говорим о физических, а также избрать их предметом специальных исследований.

Ученые давно обратили внимание на сферу этих явлений и даже придумали название для науки, которая должна заняться исследованиями духовной характеристики различных ветвей человеческого рода. Это племенная психология, “этнопсихология” (*Volkerpsychologie*). Но эта наука, направленная на ложный путь, не принесла положительных результатов, каких следовало ожидать от нее. Вместо того, чтобы заняться анализом происхождения факторов “духа племени”, она сочла этот дух за категорию, хотя и неизвестную но данную, и начала искать его, исследуя его продукты, особенно же лингвистические. Признав, что дух племени берет начало в условиях общего происхождения и еще более национального общежития; она решила, что “единством национального духа, национальным духом, является то, что в духовной деятельности отдельных личностей согласуется с деятельностью всех других и создает гармонию”; что

“различные объективные элементы национальной жизни, как язык, религия и другие, представляют лишь различные формы и ступени национального сознания”, являются объективным выражением его духа, и что надо исследовать это выражение, чтобы вполне познать и дух племени. Центр тяжести своих исследований этнопсихология поместила в анализе продуктов общественной жизни, как продуктов “национального духа”. “Так как ирландец обладает ирландским племенным духом, то судьба его сложилась определенным образом, и он питался картофелем; теперь, вследствие обратного действия, картофель оказывает влияние на дух ирландцев” (Лацарус и Штейнталь). Этот дух является источником и судьбы, и продуктов материального и умственного труда народа, и вместе с тем в нем кроется, как в зародыше, будущее данной нации. Немецкая этнопсихология перенесла понятия и, до известной степени, методы старой метафизической психологии, исследующей индивидуальную душу, в сферу исследований над духовною жизнью народов. “Племенной дух заключается в общественном и государственном строе — так же как душа в своем теле”. Вообще в явлениях, исследуемых племенной психологией, “выступают те же основные черты, что и в индивидуальной психологии, но лишь в более сложной и обширной форме”.

Этнопсихология дала начало исследованиям над психологией коллективной жизни — я все принципиальные тезисы так называемой психологической школы в социологии мы находим уже полвека тому назад на страницах журнала *Zeltschrift fur Volkerpsychologie* независимо от научной деятельности англичан, она положила основание фольклористическим исследованиям, но в сфере собственной этнической психологии не дала ожидаемых результатов, несмотря на несколько десятков лет своего существования. К счастью, независимо от этнической психологии, блуждающей в потьмах, без антропологической подготовки, начали собирать материалы и строить фундамент для здания психологии народов. Над этим трудились люди, часто не знающие даже, что существует уже “этнопсихология”, обладающая даже специальным журналом. Доказанное значение законов наследственности и распространение их на проявления духа положили один из краеугольных камней будущей племенной психологии; исследование механизма подбора укрепило другую часть фундамента. Материалистическое понимание истории, указывая, что психика народов преобразовывается под влиянием материальных условий быта, дала в руки исследователя скальпель для анализа проявлений духа племени, более сильный, чем все принципы, разработанные до сих пор этнопсихологией. Поворот в географии, связанный с именем Рихтера и других,

еще более усовершенствовал это орудие, ибо доказал, что географическая среда оказывает тоже свое влияние на характер народов, пребывающих в определенной местности.

Мы поставили себе задачей собрать в нынешнем труде эти независимые исследования в одно целое и воспользоваться методами, указанными развитием антропологических и общественных наук. Вместо того, чтобы исходить из принципа, что существует какой-то “дух племени”. Volksele, и ограничиться отысканием его проявлений в деятельности отдельных народов, мы постараемся исследовать, каким образом возникает духовный облик известного народа. Мы постараемся объяснить его из условий окружающей среды, в какой пришлось пребывать данному племени, проанализировать устойчивость его элементов, наконец познакомиться о механизмом перемен, происходящих в нем. И только, исследовав сначала происхождение “племенного духа”, можно будет понять силу его влияний, как одного из факторов истории данного народа. Что служит точкой отправления вульгарной этнопсихологии, будет для нас до известной степени окончательной целью.

Мы выразим нашу точку зрения словами Ш. Лакомба.

«Племенной дух сам по себе является неуловимым, как вообще все внутренние силы и предполагаемые врожденные свойства. Такая причина познается лишь по своим действиям, но каким образом в точности различить действия, непосредственно вызываемые племенным духом, не имея никаких сведений об его причине?»

Мы получаем таким образом заколдованный круг. Что касается до установлений, то они имеют объективный характер, а, следовательно, могут быть непосредственно познаваемы. Рассматриваемые как причины, установления имеют на своей стороне преимущество несомненности существования. обстоятельно изучая каждую из таких причин, можно уяснить себе, к каким именно последствиям она ведет. Путем практического исследования можно будет выяснять, что такие-то действия действительно были произведены. Подобное исследование не всегда легко, но тем не менее само по себе возможно. Предположим, что установления, или, если угодно, существенные условия данной среды все уже исследованы, и каждое из них прослежено возможно дальше в произведенных им действиях и влияниях. Мы получим тогда общую картину всего, что не было обусловлено национальным духом. Получение такого результата, суживающего рамки задачи, окажется само по себе уже крупным успехом. Если у нас и после того найдется еще остаток явлений, не

объясняющихся никакими установлениями и вообще внешними условиями, то будет вполне законным приписать его, до более обстоятельного рассмотрения, врожденности, т.е. национальному духу. По самым свойствам этого остатка можно будет составить себе некоторое понятие об означенном духе. Короче сказать, выражаясь языком Дж. Стюарта Милля, эта гипотеза, если только она содержит в себе какую-либо долю истины, может быть доказана не иначе, как с помощью метода остатков. Предварительная работа выяснения всего, что принадлежит в истории установлениям и вообще внешним условиям, далеко не закончена, а потому применение теории национального духа должно считаться пока еще совершенно преждевременным.

Общие законы развития общественной психики

Представим вкратце важнейшие результаты сделанных до сих пор выводов.

Этническая группа, рассматриваемая в своем психическом составе, представляет собою, с одной стороны, продукт непосредственно существующих, условий быта, как естественных, заключающихся в мертвой среде, так и общественных, коренящихся в различных учреждениях; с другой же — продукт своей прошедшей истории, т.е. условий, уже исчезнувших. Среда преобразовывает в духовном характере рассматриваемой этнической группы те элементы, которые, так или иначе, находятся в противоречии с требованиями данной эпохи. На психическую физиономию данной группы действует также ряд индивидуальных влияний, источником которых служат различные комбинации свойств родителей и вообще предков; эти влияния увеличивают разнообразие тех элементов национальной психики, которые безразличны с точки зрения общественного развития. Этническая группа, рассматриваемая как психическая единица, представляет собою психическую расу.

Но, кроме вышеуказанных, существуют более глубокие, далеко не столь заметные факторы.

Каждая современная этническая группа — продукт скрещивания различных физическо-антропологических типов. Возможно, что каждый тип вносит в данную психическую расу что-нибудь специфическое, одному ему лишь свойственное, т.е. является потенциальным источником, способным породить известные характеры в большем процентном отношении, чем другой тип. Эти физические типы, соединенные в одном и том же обществе, сообщают, быть может, данной этнической группе, т.е. «психической расе», ее особенные составные элементы; в дальнейшем развитии

эти элементы могут приобрести общие психические черты, например, способность к интенсивному труду, торговую смывленность и т.д., сохраняя различие других свойств. Это различие коренится в неодинаковости способностей каждого типа создавать из себя различные характеры, т.е. оно главным образом количественное.

Развитие психики племени заключается в выделении одних и сохранении других характеров и способностей, что может явиться как причиной, так и следствием выделения некоторых антрополого-физических типов ив данного народа. Каждый минерал состоит из многих химических элементов, при изменении которых и сам он изменяется; точно также психическая раса, в определенных границах, преобразовывается вследствие поглощения ею и исчезания в ней, или наконец процентного изменения в ней данных физико-антропологических типов. Но и эти физические типы изменяются в своих психических свойствах, вследствие самостоятельного стремления к индивидуальным вариациям и под влиянием подбора, производимого условиями быта. Будущий анализ должен открыть эти скрытые элементы, т.е. физическо-антропологические типы, и определить сущность и интенсивность их влияния. Тогда лишь этническая психология будет обладать более широким обоснованием и не будет довольствоваться одним разбором влияний мезологических территорий (т.е. естественной среды) и общественной среды. Быть может, тогда и эти «случайности» и «индивидуальные отклонения», ... представятся в другом свете. Тогда, быть может, окажется, что каждый физический тип, рассматриваемый в своей совокупности, как постоянная единица во времени, представляет собою потенциальный источник некоторых психических вариаций, подобно раствору, из которого могут осаждаться определенные кристаллы. Мы говорили с кровожадно-сладострастных расах, как о продукте такого индивидуального вырождения. Психиатрические исследования доказали, что эротически-кровожадные инстинкты коренятся в эпилептоидальных состояниях организма. Эпилептоидальное состояние содействует также развитию экстазов, пророческих вдохновений, бессознательной мозговой деятельности. У многих групп людоедов можно заметить сильное развитие художественного чувства. Быть может, все эти психические явления — только вариации, которые возникли у народа под давлением эволюционной силы, коренящейся в одном из типов.

Эти задачи, а именно, искание связи между племенной психикой и физическими типами я, если возможно, обоснование на ней этнической психоло-

гии, принадлежит будущему. Теперь же мы должны удовлетвориться тем, что возможно, т.е. описать психический характер человеческих групп в зависимости от условий естественной среды и общественного строя. Мы знаем, что психическая раса, рассматриваемая с такой точки зрения, есть историческая категория, т.е. зависит от места и времени. Классификация этнических групп должна с одной стороны исходить из данных классификаций мертвой среды (горные и приморские, лесные и степные расы и т.д.). С другой же стороны, она должна принять во внимание последовательность фазисов культурного развития (расы охотников, земледельческие и т.д.). Эта последняя классификация затрагивает несколько раз один и тот же народ в различные эпохи его истории. По мере того, как этническая группа проходит различные фазисы развития, ее психический облик соответственным образом изменяется. Ученые пытались неоднократно обобщить некоторые стороны такой психической эволюции народа и отыскать принципы, руководящие этим развитием по мере прогресса культуры¹.

Мы укажем на важнейшие из этих принципов:

1. По мере культурного развития, размеры психической дифференциации увеличиваются. Цивилизованный народ представляет большее разнообразие психических типов, чем его предки эпохи варварства.
2. Низшие фазисы развития отличаются рефлексивностью и непостоянством индивидуальной психики. Эти свойства по мере развития оседлой культуры ослабевают.
3. Вместо кочевых типов, неспособных к систематическому труду, цивилизация создает оседлые, трудолюбивые типы.
4. Обилие умственных способностей и их интенсивность возрастает.

Но мере того, как народ подвигается по пути культурного прогресса, от дикости к варварству, от варварства к цивилизации, его духовный облик усложняется, т.е. в народе появляются более разнообразные эмоциональные типы и степени напряжения определенной способности.

Это вполне понятно.

Во-первых, число членов в цивилизованном народе несравненно больше, чем в варварском, а тем более в диком племени. ВН. Голландии размеры самого

большого общества не превышают 2-3 тысяч человек. В Северной Америке существовали уже племена, в которых было несколько десятков тысяч членов. Излишне распространяться о размерах цивилизованных народов. Уже одно громадное число членов, свойственное цивилизованным обществам, служит причиной большей их дифференциации. Каждый животный вид обладает стремлением к постоянному отклонению от своей средней нормы, все равно, какой бы причиной это ни вызывалось. Вейсман полагает, что приметы личности зависят от комбинации свойств родителей, с которыми последние родились, а потому в больших обществах число возможных комбинаций и вероятность большей психической дифференциации (психологической или физической — для нас в данном случае — безразлично) должны быть значительно у потомства. Следовательно, мы можем вполне решительно утверждать, что, вместе с развитием количественных размеров данной этнической группы, возрастает и разнообразие ее психики.

Во-вторых, у цивилизованных народов разделение труда весьма развито, есть много профессий, требующих специальных способностей. Это обстоятельство благоприятствует сохранению возникающей дифференциации, потому что не только не истребляет ее продуктов (кроме некоторых вредных отклонений), но, напротив, реализует ее в пользу общества.

Каждый из физическо-антропологических типов в своих стремлениях к отклонениям разнится от других; вероятно, существует разница и в количестве различных направлений отклонения и в колебаниях дифференциации в пределах одного и того же направления и т.д. В первобытном обществе, внешняя природа во всей полноте проявляла свое действие, тяжелые условия быта покровительствовали лишь некоторым характеристикам и способностям, наконец неразвитая техника и отсутствие разделения труда заставляла всех заниматься одинаковым трудом. Физический тип или типы встречали тогда в своих стремлениях к отклонению постоянное препятствие: как при разведении рогатого окота старательно оберегают чистоту расы, так точно первобытное общество вместе с материальной средой уничтожало свойства непосредственно бесполезные. У австралийцев каждый должен быть охотником и воином, у эскимосов — рыбаком, а тех, которые отклонениями своих способностей находятся в противоречии с требованиями жизни, последняя беспощадно уничтожает. Наша же цивилизация дает появляющимся психическим разновидностям все больший простор для существования и реализации.

Мы должны предостеречь читателя от поверхностного впечатления, получаемого от сравнения психиче-

¹ Из важнейших работ в этом направлении назовем А. Vierkanta. NaturVolher und Kulturevolker. Ein Bartray zur Social-psychologie. Лейпциг, 1896. Однако эти исследования редко проводят границу между изменениями, которые в действительности произошли в психике племени, и изменением содержания продуктов психической деятельности.

ской дифференциации, свойственной первобытному периоду, с дифференциацией, существующей в эпоху цивилизации.

Различие между этими двумя периодами значительно, но не в такой степени, как можно было бы полагать при поверхностном анализе. Человеческая природа времен цивилизации кажется более многосторонней и сложной, чем на самом деле, потому что человек живет в более сложной среде. С ним происходит то же, что и с навощенной бумажкой, под которой находится рисунок. Рисунок просвечивает, благодаря прозрачности бумаги. В первобытные времена могут существовать многочисленные отклонения, но они не могут обнаружиться и проявиться, подобно тому, как многочисленные способности, встречающиеся у крестьян, не развиваются вследствие отсутствия благоприятных условий. В развитом промышленном обществе среда, в которой пребывает человек, оказывает обратное действие. Существует столько различных профессий, конкуренция заставляет напрягать все силы, и в результате мы получаем впечатление неизмеримого психического разнообразия в человеке, большего, чем оно существует в действительности.

Промышленное общество, неразлучное с фазисом широкого развития производства, требует от своих членов систематичное, умения сосредоточить внимание и трудолюбия. Весь период оседлой жизни был подготовительной школой в этом направлении, а наш вывод относительно групп, на которых происходят невольники, достаточно обнаружили стремление оседлых народов уничтожать неподходящие темпераменты. Мы уже заметили, что оседлая жизнь приучает человека к труду, к которому он не чувствует никакого влечения. Но она действует еще шире: истребляет кочевые характеры, не благоприятствует воинственному духу, устраняет рефлекторные натуры.

Наша эпоха интенсивного труда преследует дальше эту задачу, возникшую в период варварского земледелия. Но такое воздействие нашей эпохи не всегда отличается положительным характером. Современная жизнь, упражняя способность к интенсивному умственному и физическому труду и уничтожая рефлективность, в то же время перестала упражнять силу духа; вместо меча, аршин и штоф сделались уважаемыми орудиями материального благосостояния и наживы, реклама и ложь превратились в обыденные средства для достижения цели, жизнь всячески сглаживает резкие черты человеческой индивидуальности. Времена совсем не благоприятны для развития даже тех зародышей силы характера, какие еще существуют.

Индустриализм обосновал общественные отношения на совершенно иных принципах, чем те,

какими руководятся краснокожие племена Америки. Мы находим у Катлина описание мучений, которым подвергают подрастающее мужское поколение для испытания его мужества и взрослых мужей для доказательств, что они не потеряли еще равнодушия к страданиям. Невозможно без ужаса читать описание этих пыток: эти систематические пытки напоминают судопроизводство инквизиции, и каждый мужчина, желающий быть мужчиной не только по имени, но и на деле, должен был подвергнуться мукам, я перенести спокойно страдания; слабые юноши погибали; те же, которые не выдерживали мучений, проводили остаток жизни в женской одежде. Рука об руку с силой характера развивалась искренность и правдивость; впрочем, в простом строе первобытного общества ложь невозможна. Оседлый период, а тем более современный индустриализм устранили такие упражнения физической стойкости и мужества: эти добродетели чужды промышленному строю. Вместо того, он дал простор развитию хилых, слабых, трусливых личностей и даже покровительствует им, больше чем представителям мужественного и своенравного типа, потому что, во-первых, как говорят пословица, «послушный теленок двух маток сосет», а во-вторых, «и камень обрастает, лежа на одном месте». С каждым поколением увеличивается число особей, привыкших к систематичности, но вместе с тем и к спокойной жизни.

Говоря о ломке своенравных натур и о приспособлении их к промышленной цивилизации, обыкновенно видят в этом процессе лишь положительные стороны. Забывают, однако, что, насколько привычка к систематическому труду, к кооперации и к добровольной дисциплине, наконец к задуманным поступкам составляет положительное приобретение, настолько все направление современной цивилизации влияет отрицательно на некоторые стороны характера людей. Действительное и единственное богатство народов - это личная доблесть и индивидуализация личности, обнаруживающаяся в предприимчивости, оригинальности, правдивости, наконец, в силе характера, даже в своенравии, насколько последнее не угрожает общественным разложением и уничтожением других. Но это богатство уменьшается, цивилизация не создает его, потому что, не нуждаясь в нем, не вызывает соответственного подбора, не вырабатывает даже обыкновенной энергии и инициативы. Если же она нуждается в этих свойствах, то черпает их из существующего векового запаса. Подбор, свойственный классовому обществу, уничтожал таких евгенистов — прежде на полях битвы и в домашних междуусобиях, теперь городской жизнью и другими средствами. Мы можем решительно утверждать, что

эпоха цивилизации живет наследием варварских времен, расточая его немилосердно, точно так же, как она уничтожает слои угля, нагроможденные в прошедшие геологические эпохи, вовсе не задумываясь о будущем. Мирные и смиренные типы возрастают в процентном отношении и несомненно составляют в современном обществе превышающее большинство. Представители антропологической силы, истребляемые средой, рассеивают свои доблести еще и посредством браков с представителями спокойного типа. Правда, что часть детей наследует энергию одного из родителей, другая — другого; но большинство их выше последнего и ниже первого.

Такая нивелировка антропологического богатства очень вредна для народности и обессиливает ее так же, как интенсивный отрицательный подбор.

Наша культура по своему умственному напряжению, без сомнения, превышает старую эпоху, мы замечаем в науке и технике значительный прогресс, растущий с каждым днем. Мы гордимся нашими умственными способностями и, в доказательство этого, указываем на наши открытия и изобретения. Но такие доводы много теряют в своей убедительности при ближайшем разборе. В виду существующих приобретений, усовершенствованных научных методов и приспособлений для исследований, избитых общих взглядов, для прогресса науки нужно гораздо менее способностей, чем обыкновенно полагают, с другой стороны требуется много трудолюбия и добросовестности. Нет сомнения, что в каждой отрасли техники и науки мы превзошли древнюю Элладу, но мы не имеем никакого права утверждать, что наши способности выше, чем у древних греков. «Весьма поверхностно не точно считать технические и интеллектуальные приобретения мерой умственного различия, существующего между нами и низшими народами. Если мы немного задумаемся, то поймем, что великолепные произведения современной цивилизации могут служить, главным образом, масштабом для оценки общественной успешности и солидности, но никак не умственного превосходства народов, которые их создали. Они не служат непременно доказательством наших необыкновенных способностей, не составляют исключительного продукта творчества отдельных мозгов, но представляют собою плод медленного и тяжелого накопления науки (в небольшом количестве), совершенного многочисленными умами в течение бесконечного ряда поколений. Каждое приращение к прежним приобретениям открывало более широкое поле для дальнейшего прогресса. Не следует думать, чтобы даже умы, сильнодвигающие по временам науку вперед, превышали бы значительно средний уровень,

или отличались бы от умов, находившихся в низшем состоянии, в такой степени, на какую указывает каждое произведение, рассматриваемое отдельно, вне остальных условий» (Б. Кидд).

Раздаются голоса, что варвары, выступающие на историческую арену, как молодые расы, совсем не уступают нам своими способностями. Они лишь менее усидчиво умеют работать. О чироках (краснокожее племя в США) Вайц замечает, что в течение сотни лет они достигли такого прогресса, для которого в Англии понадобилось пятьсот лет. Маорисы Н. Зеландии тоже обнаружили значительные способности. Защитники этого тезиса ссылаются часто на емкость черепов у варваров и цивилизованных народов, — явление, заслуживающее нашего особенного внимания.

Многочисленные исследования убеждают нас в том, что средняя емкость черепа — в пределах той же основной ветви человечества — а вместе с нею объем мозга, незначительны у диких народов, что они увеличиваются по мере приближении к варварскому состоянию, что наконец они у варваров выше, чем во времена цивилизации. Мортон, например, доказал, что емкость черепа у охотников в прериях Северной Америки и в Патагонии больше, чем у более культурных перуанцев или мексиканцев: ISO перуанских черепов дали в среднем 75 куб. сайт., для емкости отдельного черепа 25 древне-мексиканских черепов — 79, наконец 164 черепа охотничьих племен — около 84. Измерения Павла Брока и Флоуэра обнаружили, что емкость черепа эскимосов превышает своей величиною размеры ее у китайцев, и что варвары Франции имели больший мозг, чем современные парижане и вообще французы. П. Брока ставит вследствие этого вопрос: «если почти дикая раса, как те люди, скелеты которых найдены в пещере L'Homme mort имела больший мозг, чем современные парижане, которые, при всех своих недостатках, несомненно народ цивилизованный, то можно ли, в виду этого, придавать какое-нибудь значение антропологическим исследованиям над емкостью черепа? Как же согласовать этот факт с воззрением (которого представителем является тот же Брок), что объем мозга составляет один из главных признаков умственной силы?» И черепа англо-саксонских и германских варваров эпохи великого переселения народов отличаются тоже необыкновенной емкостью. Как мы видим, это явление повторяется слишком часто при переходе от варварского состояния к цивилизации, чтобы считать его случайным, не имеющим более глубокой связи с условиями быта. Пытались различным образом объяснить неодинаковый средний объем мозга в различные эпохи общественного развития. Брока, который допускает существование известной тесной

зависимости между размерами мозга и способностями, утверждает, что в первобытную эпоху малоспособные люди непременно гибнут, между тем как цивилизация смягчает борьбу с природой и сохраняет людей болезненных, стариков и малоспособных, предоставляя им занятие при системе разделения труда. Поцци ищет разгадки этого явления в том, что дикарь, упражняя постоянно свои физические силы, должен обладать более развитой мускулатурой, следовательно, я более развитой волей, что обуславливает собой больший объем мозга, несмотря на неоспоримую недоразвитость некоторых его частей.

Но так как мы в точности не знаем, какая связь существует между умственными способностями и объемом мозга, то вышеприведенные факты не имеют никакого значения для решения вопроса, возрастают ли человеческие способности в среднем вместе с прогрессом цивилизации. Чтобы дать хоть какой-нибудь ответ на этот вопрос, следует ограничиться выводами, подученными дедуктивным путем из общественного строя различных стадий развития и присущего каждой из них подбора. Хотя подобные обобщения не могут служить точными доказательствами, но все-таки, до известной степени, они выясняют вопрос. Ход развития мозга в течение фазисов культуры вполне согласуется с дедукцией, построенной на природе дикого, варварского и цивилизованного обществ. В эпоху дикости, каждый должен напрягать все свои способности, чтобы обеспечить себе существование, все в одинаковой степени изоощряют свои способности в общественных делах, наконец и подвижность охотничьего быта является хорошей школой для умственного развития. В период низшего варварства, все условия остаются неизменными, увеличивается лишь сложность обыденных задач. Следовательно, можно не без основания предполагать, что, в эпоху дикости и начальных фазисов варварства, развитие мозга идет рука об руку с техническим прогрессом общества. Положение изменяется с водворением оседлого быта и с дальнейшим развитием цивилизации. Подвижной охотник и кочевник превращается в земледельца, который, в позднейшие периоды общественного развития, например, в эпоху крепостного права, утрачивает из виду все, что находится за пределами его поселка, и узких интересов. Вместе с тем возрастает разделение труда и появляется, с течением времени, множество профессий, требующих не интеллигенции, а физической сноровки. В XVIII веке ткацкие фабрики Англии систематически давали работу идиотам, для которых нет места в общественном строе варваров. Это прекрасный пример, доказывающий, что психический подбор, который из дикой варварской общины устранил слабо

развитых в умственном отношении личностей, не оказывает своего действия, или действует слабее в эпоху цивилизации. При развитом разделении труда, с его бесконечной специализацией и чисто механическим характером, разъединяющим умственную и физическую деятельность, неспособные индивиды, которое некогда погибали в борьбе за существование, могут оказаться железными членами общества и, передавая в наследство свои свойства дальнейшим поколениям, понижать таким образом средний уровень мозга. Прибавим к этому, что классовый строй предохраняет бездарности от вымирания, если они находятся в привилегированных положениях. “Пастух, охотник и земледелец имеют перед собою поле деятельности, — пишет Дайльи, — обеспечивающее работнику интегральное развитие. Распределение труда, условие увеличенной производительности, суживает сферу деятельности человека, ограничивает его кругозор. Излишняя и исключительная умственная культура является, несомненно, одною из причин вырождения, действующей, быть может, самым энергичным образом, среди факторов, возникающих вследствие разделения труда”.

Взвесив все эти фактические данные, мы придем к тому заключению, что у диких и варваров общество более благоприятствует удалению малоспособных лиц, и что у них, по мере усложнения общественного строя, умственная ценность отдельных членов будет увеличиваться. Цивилизация же, уменьшая в некоторых областях жизни подвижность человека и его умственную изворотливость, создавая целые массы населения, приговоренные к нищенству, невежеству к автоматическому труду, ведет к понижению средней величины и веса мозга, полученных в наследство от предков-варваров. И действительно, каким образом современный крестьянин, предки которого прожили около 10 веков, не выходя за пределы родной деревушки, может обладать большими способностями, чем далекий предок-варвар, который только что принялся за земледелие? И можно ли ожидать, чтобы человек, который с детства бессмысленно и автоматически работает на фабрике, мог приобрести высшие мозговые качества, — ведь не возникнут же они благодаря тому, что он служит живым придатком к усовершенствованной машине? Правда, что цивилизация, обуславливая уменьшение мозга, создает группу людей, упражняющих его беспрепятственно. Но, во-первых, эти группы не настолько многочисленны, чтобы они могли уравновесить собой последствия убыли в весе мозга народных масс; во-вторых, они представляют собою лишь проявление уже существующих в народе способностей. Наше время, не истребляя малоспособных, не в состоянии также

создавать умственных евгеинстов. в значительном количестве. Между десятками миллионов людей, из которых состоят современные общества, из комбинации свойств родителей возникает лишь определенное число способных мозгов, представляющее, впрочем, окончательный расцвет антропологического приобретения прошедших веков. Наша цивилизация истребляет умственных евгеинстов самым легкомысленным образом. Современная специализация, отделение физического труда от умственного, а также чрезмерное обременение мозга доводят организм специалистов до физического расстройства и лишают их потомков умственной силы я даже плодовитости. “Несколько слов, помещенных о нас в биографическом словаре, — пишет Якоби, — мы оплачиваем жизнью будущих поколений и нашим собственным существованием в течение веков”. С другой стороны, браки, не рассчитывающие на дальнейшую передачу способностей, истребляют уже в следующем поколении всякую счастливую умственную комбинацию, какая там я сям обнаружилась в обществе.

Почти невозможно исчерпать все влияния сложного общественного строя со столь развитым разделением труда, как наше, я проанализировать его воздействия на нашу психику. Однако же мы выделили из этой путаницы скрещивающихся действий и подбора несколько характерных явлений. Современная цивилизация содействует процентному росту физически слабых и малоспособных в умственном отношении; в сфере же характеров она покровительствует спокойным, если можно так выразиться, бюрократическим наклонностям; увеличивает способность к напряженному вниманию и интенсивному физическому труду; усиливает умение владеть собою, словом совершает с человеком то, что он сделал с диной лошадьо, пока ее не приручил окончательно. Цивилизация расходует умственные способности расы, хотя увеличивает число интеллектуалистов, т.е. лиц, занимающихся лишь умственным трудом; отнимает у людей прежнюю отвагу, создавая взамен того из городских элементов нервных субъектов, ищущих свежести впечатлений, — инициаторов, но другого рода, чем прежние удалцы. Цивилизованные группы арийского происхождения очутились, словно в громадной мельнице, которая их перемальвает и переделывает: оседлый образ жизни, напряженный труд на фабрике и в конторе, ожесточенная борьба за существование, — и все это среда самых нездоровых условий, — нервное расстройство, охватывающее все более широкие круги народонаселения, ненормальное удовлетворение половых потребностей, внешняя демократизация отношений, содействующая отрицательному подбору и оскудению народных масс в антропологическом отношении, вообще бесчислен-

ное множество скрещивающихся влияний — создает бесконечную цепь преобразований и вызывает самый разнообразный подбор. Над некоторыми из этих преобразований мы останавливались, но мы не осмеливаемся изобразить их в целом и всеобще коснуться будущей психики цивилизованных народов.

Рассмотрим другой пункт, находящийся, впрочем, в тесной связи с предыдущим.

Физическая раса, с ее свойствами, являлась в наших выводах, до известной степени, ответом организма на условия среды в доисторическую эпоху, когда наш предок лишь добился своего теперешнего человеческого облика. Его организм боролся цветом кожи и вообще теми или другими физическими особенностями со всемогуществом природы. Вследствие отсутствия клыков я когтей, из всех органов мозг оказался самым совершенным орудием борьбы. Благодаря его содействию, человек освобождался от капризов природы и медленно начал подчинять ее своей власти. Образовалась общественно-материальная среда, которая его отделила от непосредственных влияний естественной среды, и с течением времени он подчинился новой власти, им самим созданной, причем возникли соответственные инстинкты и наклонности. Это действие еще более усиливалось, вместе с тем изменяло свой характер, по мере того, как вследствие развития материальных средств к существованию, общество дифференцировалось на классы. Человек, по мере развития техники, приобрел новые органы в виде утвари и орудий, добавочный покров в виде одежды, огня и жилища, более обильные источники пропитания. Но для производства этих добавочных снарядов-органов человек нуждался в эластических мускулах и в умственных способностях, а также в новых эмоциональных свойствах, приспособляющих его к жизни в новых условиях. Наконец, в качестве одного из потоков этого развития появилась современная европейско-американская цивилизация. Ее развитие идет быстро, одно десятилетие по своим техническим результатам превышает приобретения веков, совершенствующих наш физический организм. Телескоп, микротелефон, микроскоп, приборы Рентгена, электротермометр и т.д. придали нашим чувствам необыкновенную остроту; паровые и электродинамические машины, взрывчатые вещества и т.д. снабдили мускулы неизмеримой силой, автоматические ткацкие станки, машины для выделки часов и т.д. придали нашим пальцам ловкость, так что эти изобретения далеко опередили свою успешностью и исправностью то, чем нас одарил период органического развития. С точки зрения обыденной борьбы за существование,

наши мускулы не нуждаются в дальнейшем совершенстве, чувства — в большей тонкости, и даже если бы они уменьшились в своей силе, то все-таки наша власть над мертвой средой не перестанет возрастать. Острые чувства и крепкие мускулы, составлявшие в былую эпоху условие существования и сохранения человеческого рода, в настоящее время потеряли прежнее значение. Казалось бы, что по крайней мере мозг должен постоянно совершенствоваться. Но если мы вникнем в природу современного прогресса науки и живо представим себе существующие приборы для исследований, методы открытия тайн природы и вообще всю суть научного труда, то окажется, что, даже при не изменяющемся уровне способностей, этот прогресс не только не прекратится, но, под влиянием собственной энергии, он должен еще в течение долгого времени идти все дальше и все более быстрым шагом. Уровень способностей может даже понижаться, а прогресс, под давлением существующих уже знаний, будет идти вперед, лишь бы существовало небольшое число изворотливых умов, прокладывающее новые пути.

Разумеется, рост способностей придаст прогрессу более живости, но он, в определенных границах, уже не является необходимым условием, точно так же,

как сила мускулов в сфере материального прогресса. Естественно, что подобное положение дела совсем нежелательно, но все-таки оно возможно.

Однако наука указывает человеку средства для повышения его способностей и сил, необходимых для всеобщего органического благосостояния как физического, так и умственного.

Каждый физическо-антропологический тип есть результат прогрессирующих отклонений. В течение веков он создавал различные психические типы, стихийно пользуясь комбинацией свойств родителей. Естественная и общественная среда пользовалась ими, истребляя одни свойства, оставляя другие. Подбор совершался стихийно, психическое развитие шло автоматически, человек не отдавал себе отчета в процессе, который его преобразовывал. Современная наука открыла перед нами тайны творчества природы в мире одушевленных существ, и мы в наших садах и хлевах заменили стихийный естественный подбор сознательным производством новых видов. Не обратятся ли будущие общества к помощи антропотехники, как наша эпоха к зоотехнике, и не удастся ли нашим потомкам сознательно руководить собственным органическим развитием в желаемом направлении? Мы ставим этот вопрос, не пытаясь на него ответить.

Список литературы:

1. Вольтманн Л. Политическая антропология: Исследование и влияние эволюционной теории на учение о политическом развитии народов. СПб., 1995.
2. Чемберлен Х.С. Арийское мировоззрение. М., 1913.
3. Этнопсихологические сюжеты (Из отечественного наследия): сб. статей / сост. М.В. Иордан, В.М. Семенов. М.: ИФ РАН, 1992.

References (transliteration):

1. Vol'tmann L. Politicheskaya antropologiya: Issledovanie i vliyanie evolyuskionnoy teorii na uchenie o politicheskom razvitiy narodov. SPb, 1995.
2. Chamberlen Sk.S. Ariyskoe mirovozzrenie. M., 1913.
3. Etnopsiskologicheskie syuzhety (Iz otechestvennogo naslediya): sb. statey / sost. M.V. Iordan, V.M. Semenov. M.: IF RAN, 1992.